

ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ж. А. АНАНЯН

Большой вклад в становление и развитие армяно-русских экономических и культурных связей внесла семья Лазаревых. Процесс эволюции хозяйственной деятельности этой семьи свидетельствует о том, что в недрах русской экономики уже во второй половине XVIII в. началось сращивание русского и армянского капитала и формирование общехозяйственного организма. Так что Лазаревы являлись представителями как армянской, так и русской буржуазии. Им были близки интересы и России, и Армении. Практическое воплощение своей программы Лазаревы начали в тот исторический момент (начало XIX века), когда открылась реальная перспектива освобождения Армении от иноземного гнета. Думая о национальном возрождении армянского народа, Лазаревы задались целью подготовить кадры образованных граждан не только для многочисленных армянских общин России, но и для будущей свободной Армении.

Основателем армянского учебного заведения был старший из братьев Лазаревых—Ованес Лазаревич Лазарев. В завещании, составленном в январе 1800 г., Ованес Лазарев предписывал своему наследнику, брату Овакиму Лазаревичу Лазареву, внести в Московский опекунский совет 200 тыс. руб. ассигнациями, чтобы на проценты с этой суммы со временем построить здание для воспитания армянских детей из бедных семей. Своего детища Ованес Лазарев не увидел, так как скончался в 1801 г.

Планы по созданию особого училища для армянских детей, как об этом свидетельствуют документы, вынашивались Лазаревыми еще в 1791 г.¹ Сохранился даже первый проект будущего учебного заведения, автором которого был архимандрит Григорий Тер-Степанян Араратский. Составлен он был в апреле 1799 г. Предполагалось строительство учебного заведения наподобие приюта, в котором должны были проживать и обучаться до 30 учащихся. Это учебное заведение предполагалось устроить не в Москве, а в Нор Нахичеване, где находилась крупнейшая армянская община России.² Документы свидетельствуют также о том, что еще в 1810 г. Оваким Лазарев руководствовался первоначальным проектом. Но уже в 1815 г., когда Оваким приступил к конкретному воплощению идеи брата Ованеса, бы-

¹ Основываясь на архивном источнике, датированном маем 1785 г., В. А. Дилоян считает, что идею создания армянского учебного заведения Ованес Лазарев вынашивал еще за 30 лет до открытия Института. См. *Չ. Ա. Դիլոյանի, Հայաստանի համալսարան-ընդհանուր գործունեության պատմության երկին, 1966, с. 265.*

² Материалы для истории Лазаревского института восточных языков, издаваемые иждивением г. почетного попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. Вып. I, М., 1914, с. XIV—XV.

ло решено построить учебное заведение не в Нор Нахнчеване, а в Москве в «родовом гнезде» по Столповскому (ныне Армянскому) переулку.³ Чем было вызвано такое решение? Лазаревы поняли, что армянское учебное заведение должно было быть полноценным учебным заведением, не уступающим вузам России. Для этого его необходимо было основать только в Москве.

Москва удовлетворяла многим требованиям. Во-первых, в Москве существовала обширная и влиятельная армянская община. Во-вторых, как торговый центр России она фактически притягивала большую часть армянского купечества. Наконец, Москва была центром русской культуры, где находился прославленный университет со своим замечательным преподавательским составом. И это должно было содействовать лучшей организации учебного процесса в Лазаревском институте, а также помочь приобщению армянской молодежи к передовой русской культуре.

Закладка специального здания для Лазаревского института (тогда он назывался «Армянской Лазаревых гимназией») состоялась 10 мая 1814 г. на участке, купленном у Артемия Шермана (Шермапяна) еще Лазарем Назаровичем Лазаревым. Институт строился по проектам русских архитекторов—Соколова, Подьячева, Простакова и других. Занятия начались год спустя, в мае 1815 года, т. е. до завершения строительства институтского архитектурного комплекса. Эта дата впоследствии и становится как бы официальной датой основания Института.⁴ Основателем и первым попечителем являлся Оваким Лазарев. Два его сына—Ованес и Хачатур—были сотрудниками Института. Старший сын Ованес исполнял должность директора, а Хачатур—инспектора Института. Третий сын—Лазарь помогал братьям в их работе. Первоначально Институт имел и должность ректора, которую занимал архимандрит Серовбе. После того как он был отозван в Эчмиадзин, эту должность занял известный ученый-арменовед архимандрит Микаэл Салантян.⁵

Становление детища Лазаревых как учебного заведения оказалось делом не из легких. Российское Министерство просвещения и в особенности его Комитет устройства учебных заведений на протяжении многих лет не утверждали устав Института. Чинились и другие препятствия. В специальной литературе высказывается мнение, что подобные препятствия исходили из нежелания российского правительства связывать себя признанием специфики данного учебного заведения. Официальное признание институт получил лишь тогда, когда не только определилась политика царского правительства в отношении Армении, но и когда она уже получила реальное воплощение.⁶

Чтобы выйти из-под опеки правительственных учреждений, Лазаревы решились на следующий шаг. Благодаря хлопотам Овакима Лазарева в 1824 г. Институт был поставлен «под высшее начальство» графа А. А. Аракчеева и изъят из зависимости от Министерства народного просвещения. Спустя четыре года официально была учреждена должность «главноначальствующего» Института, которую занял

³ Там же, с. XVI.

⁴ Там же, с. IX.

⁵ О становлении Лазаревского института более подробно см., *Ф. П. Шерман*, *История*.

⁶ А. П. Базилянц, *Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения*, М., 1973, с. 21.

граф А. Х. Бенкендорф. Последний был связан личной дружбой с семьей Лазаревых. Покровительство высших должностных лиц России способствовало созданию более благоприятных условий для организации учебного процесса в Институте, который стал именоваться «Армянским Лазаревых институтом восточных языков».

Следующим по рангу лицом являлся попечитель. Особенность этой должности состояла в том, что он должен был быть из фамилии основателей Лазаревых. Кроме попечителя, Институт имел директора, инспектора, преподавателей разных дисциплин. Наряду с ними в учебном заведении работали старшие и младшие учителя, лекторы, надзиратели. Имелся также административно-хозяйственный персонал служащих.

Общее управление Институтом осуществлял Совет, председателем которого был попечитель. Члены Совета избирались по предложению председателя. Соблюдался следующий принцип: в Совет входили, наряду с директором, инспектором, двумя старшими преподавателями, и двое приглашенных из числа родителей и родственников воспитанников Института. Директор, инспектор, преподаватели и хозяйственно-административный аппарат избирались Советом и утверждались попечителем. Непосредственным помощником директора был инспектор, который должен был быть «сведущ в науках и... языках».

Особую роль в Институте играли надзиратели. Они должны были быть специалистами в каких-либо науках, свободно изъясняться на французском, немецком или на одном из восточных языков. Надзиратели должны были безотлучно находиться с воспитанниками как в свободное от занятий время, так и в обеденное и ночное время.⁷

Благодаря отличной постановке преподавания, Лазаревский институт в 1837 г. был включен во 2-й разряд учебных заведений. Спустя два года Институт получил дополнительные права и преимущества. Он приравнивался к таким учебным заведениям, как Академия художеств, Московский дворянский институт, Горный институт и прочие. Именно с этого времени начинается уклон в сторону усиленного изучения восточных языков. В 1848 г. Лазаревский институт был преобразован в восьмиклассное учебное заведение с гимназическими и специальными классами. В дальнейшем был добавлен и приготовительный класс.

Таким образом, Лазаревский институт, будучи учебным заведением нового типа, совмещал в себе два его вида: гимназию с приготовительным классом и духовным отделением и отдельные от гимназического курса специальные классы с правами восточного факультета университета. Стало быть, здесь проходили две программы — общеобразовательную в рамках гимназического курса и курс восточноведческих наук по программе высших учебных заведений.

В приготовительных классах особое внимание уделялось изучению русского языка. С целью повышения уровня преподавания учителя начальных классов командировались в лучшие московские училища для ознакомления с новейшими методами начального обучения.⁸ Гимназические классы имели программу и права классических гимназий России. При них был и пансион.

⁷ Под высочайшим покровительством состоящий Московский армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830, с. 5, 10—11.

⁸ Краткий отчет о состоянии Лазаревского института восточных языков в 1862—1863 академическом году. М., 1863, с. 10.

Воспитанники духовного отделения, учрежденного по ходатайству армянского Католикоса и Эчмпадинского Синода, обязаны были наравне с другими обучаться всем предметам за исключением древних языков и юриспруденции. Учащиеся духовного отделения, таким образом, проходили общий гимназический курс и становились всесторонне образованными людьми. Преподавание богословских предметов велось на ашхарабаре. Древнеармянский язык (грабар) воспитанники отделения изучали факультативно. Для учащихся Института, которые готовились к торговой деятельности, вводился дополнительный курс.⁹

Специальные классы по своей программе и организации учебного процесса соответствовали высшему учебному заведению. В этих классах вели занятия шесть профессоров, один доцент и четыре преподавателя. В классах преподавались армянская словесность, арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, грузинский язык, практика арабского, персидского и турецкого языков, восточная каллиграфия и французский язык.¹⁰ В специальных классах существовала также кафедра русской словесности, так как многие студенты, выходцы из Армении и Кавказа, недостаточно хорошо владели русским языком.¹¹

В Институте была разработана особая методика преподавания восточных языков, получившая применение в гимназических и специальных классах. Так, например, при изучении арабского, персидского и турецкого языков практические занятия чередовались с объяснением теории. Для лучшего усвоения восточных языков устанавливалась определенная очередность. Обучение начиналось с арабского языка. Через два года после арабского приступали к изучению персидского языка и потом через год занимались турецким языком.¹²

Институт по мере возможности посылал своих студентов во время каникул в Иран и Турцию. Лучшие студенты Института, с отличием окончившие специальные классы, могли быть отправлены за границу «с целью приготовления их к ученой деятельности в этих классах».¹³ Студентам, успешно закончившим Лазаревский институт, предоставлялись права и чин X и XII классов.¹⁴

В Институт принимались дети в возрасте от 10 до 14 лет. От поступающих требовались элементарные познания в основах Закона Божия, в чтении, письме и арифметике. Юноша мог быть зачислен и в средний класс в случае, если он прошел испытание в присутствии инспектора. В Лазаревский институт принимали от 30 до 40 воспитанников армян, которые содержались за счет сумм от благотворительности и завещанного капитала. Из числа учащихся, обучавшихся за счет Лазаревых, 10 юношей были из детей несостоятельного армянского духовенства.

⁹ Семидесятипятiletие Лазаревского института восточных языков. М., 1891, с. 31.

¹⁰ Правила для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1898, с. 3.

¹¹ Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903, с. XII.

¹² Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревых института восточных языков. СПб., 1839, с. 142.

¹³ Правила для студентов специальных классов..., с. 5.

¹⁴ Тридцатилетие специальных классов..., с. 6.

Практика показала, что не все воспитанники Института, пользующиеся правом бесплатного обучения, могли осилить сложную учебную программу. Поэтому со временем было решено отчислять воспитанников, которые не справлялись с программой Института, и на их место принимать других детей из бедных семей. Учащихся с посредственными способностями держали не более двух лет. Способные из числа бесплатно обучавшихся детей увольнялись из Института по окончании гимназических классов. Они, таким образом, лишались права поступления в специальные высшие классы. Исключенные составляли лишь двое-трое особо одаренных учащихся, отмеченных руководством Института. Но по завершению высших классов они обязаны были оставаться на службе в Лазаревском институте в качестве надзирателей и учителей.¹⁵

Юношен, поступивших в пансион Института за свой счет, принимали, как было записано в Уставе, «из русских и из других наций», но преимущество все же отдавалось армянским детям. Это объяснялось тем, что Лазаревский институт являлся «общенациональным армянским рассадником знаний» и «другого подобного нет в империи для сей нации».¹⁶ Число учащихся из бедных семей превалировало над количеством детей из имущего класса. Это объяснялось тем, что последние могли быть приезжими, в основном из Армении и Грузии.¹⁷

Обучение влосось в течение 11 месяцев. Июль был каникулярным. Основными предметами были следующие: Закон Божий (православного и армянского вероисповеданий), политическая и гражданская история, логика, география, риторика, грамматика, статистика, арифметика, геометрия, тригонометрия, чистописание, рисование, черчение, танцы. За дополнительную плату учащиеся могли обучаться также музыке и фехтованию. Преподавание восточных языков (включая армянский) и русского языка в том числе началось с момента основания Лазаревского института. Армянский язык предназначался в основном для армянских юношей. Обязательными языками для всех воспитанников были латинский и французский. Немецкий — факультативным. Но немецкий был обязательным для тех, кто собирался поступать в университет.

Наличие крепкой организационной учебно-воспитательной структуры и солидного преподавательского потенциала способствовало распространению славы Института не только среди армянства, но и среди русского населения России. В числе воспитанников Института были армяне из Ирана, Турции и даже Индии. Таким образом, армяне стали смотреть на Лазаревский институт как на свое национальное достояние. Он стал как бы высшим учебным центром для образования и воспитания юношества разбросанных по многим странам мира армянских колоний и поселений. Последнее обстоятельство накладывало на Институт особые, несколько необычные для вуза обязанности. Как подчеркивал ректор Московского университета, Гавриил Иванов, на долю Лазаревского института «выпала далеко нелегкая и выдающаяся задача... акклиматизации на почве общего образования и науки юношей, родившихся и вполнину выросших на далекой окраине при совершенно своеобразных условиях».¹⁸

¹⁵ Семидесятилетие Лазаревского института..., с. 50—51.

¹⁶ Материалы для истории Лазаревского института..., с. 47.

¹⁷ Там же, с. 48.

¹⁸ Семидесятилетие Лазаревского института..., с. 60.

С другой стороны, недостаток в то время русских учебных заведений и высокий уровень преподавания привели к тому, что Лазаревский институт стал привлекать и русских детей, притом «из лучших фамилий». Как писал в своем отчете один из «главноначальствующих» Института граф Бенкендорф, лучшим доказательством репутации, которой пользуется сие заведение в Москве, может служить то, что многие русские дворяне и родители других наций с предпочтением помещают детей своих в институт Лазаревых.¹⁹

Все студенты Института, представители разных наций и вероисповеданий, являлись членами единой семьи. Этот нравственный климат в целом был характерен для русского общества.²⁰

Лазаревское училище стремилось совместить, сделать как бы слитным два процесса—образование и воспитание. Преподаватели этого учебного заведения хорошо понимали, что, как писал Д. И. Фонвизин, «наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло».²¹ Известно, что многие на первый план выдвигали воспитание, после ставился вопрос образования. Исключение, пожалуй, составлял лишь А. Я. Поленов, который писал, что обучение и нравственное воспитание надо проводить одновременно. Эту мысль Поленов иллюстрировал на примере взаимоотношений священника со своей паствой.²² В Институте Лазаревых разделяли эти взгляды Поленова.

Учебно-образовательная и воспитательная концепция преподавательского коллектива Лазаревского института в области образования и нравственного воспитания во многом была схожа и с идеями Н. И. Новикова. Более того: ряд его педагогических принципов опосредованно воплотился в практической деятельности Лазаревского учебного заведения. Например, в воспитательном и учебном процессе педагогический коллектив Института придерживался положения Новикова, основанного на единстве физического воспитания, воспитания нравственного и главной цели воспитания—просвещения. Согласно были в институте и с другим положением Новикова: «ученому человеку пристойно знать несколько всеобщее из наук, ибо они имеют между собой великую связь, и одна наука другою либо объясняется, либо украшается».²³ Поэтому в учебном деле Института не делался упор на какой-то один предмет. Как и Новиков, в Институте считали, что при обучении необходимо сочетать изучение точных и гуманитарных дисциплин.

Педагогический коллектив Лазаревского института претворял в жизнь еще одну установку Новикова, который указывал на то, что

¹⁹ Собрание высочайших указов и актов..., с. 72.

²⁰ Веротерпимость являлась одной из примечательных особенностей российского менталитета. Прав Н. М. Карамзин, который подчеркивал, что веротерпимость «была выгодною России, обеспечив ей и завоевания и самые успехи в гражданском образовании, для коих она долженствовала заманивать к себе иноверцев, пособников сего великого дела». Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Том X, СПб., 1852, с. 266.

²¹ Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений. Том I, М.—Л., 1959, с. 169.

²² А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России. См. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том II, М., 1952, с. 16—19.

²³ Н. И. Новиков. О эстетическом воспитании. «Прибавление к Московским Ведомостям 1784 года», № 59, с. 471.

обучение необходимо начинать с «элементарных» наук. После приобретения минимума знаний можно переходить к «наукам всеобщим», т. е. к более глубокому их изучению. В «Правилах» Института было записано: «В нижних классах обращено будет особенное внимание на обогащение памяти нужными для продолжения наук сведениями языков. В среднем классе присоединяются науки словесные и исторические. Образование рассудка познаниями нравственно-политическими и физико-математическими будет занятием высшего класса».²⁴ Наконец, в Лазаревском учебном заведении ратовали за сочетание теории с практикой. т. е., как и Новиков, они выделяли две стороны образования.

Таким образом, образовательная программа Института Лазаревых предусматривала, в частности, как обучение, так и нравственное воспитание учащихся. Как определено в «Постановлении» Института: «Воспитание нравственное имеет более важности и достоинства для человека, нежели умственное его образование. Цель нравственного образования в Институте есть та, чтобы совершенно утвердить характер молодого человека во всем добром и благородном. *Цель сия достигается просвещением ума, истинными познаниями и образованием и укреплением сердца благородными чувствованиями. Средством к сему служит просвещение*»²⁵ (подчеркнуто нами—Ж. А.).

Такой подход выгодно отличался от системы образования, практиковавшейся в отношении дворянских детей за границей. Стало быть, Лазаревы, создавая свою систему образования, учли, что в России все больше утверждались во мнении, что от обучения дворянских детей за границей мало проку.²⁶

Таким образом, руководители Лазаревского института были решительными противниками приглашения на работу преподавателей из-за границы. В период становления Института в России было мало квалифицированных преподавателей. Например, когда было решено ввести преподавание восточных языков в Казанском университете, то пришлось приглашать специалиста из Германии. Такое же случилось и в Петербурге. В столице России не нашлось ни одного подходящего преподавателя арабского и персидского языков. Их пришлось приглашать из Франции.²⁷ Иная ситуация сложилась в Москве. Как в Московском университете, так и в Лазаревском институте преподавание восточных языков, формирование востоковедческой школы связано прежде всего с отечественными учеными, преимущественно русскими и армянами.

Одним из первых преподавателей Лазаревского института был Арутюн Аламдарян. Он прежде всего составил понятную для армян грамматику русского языка. В число первых учителей входили также Серовбе Карнеци и Микаэл Салантян. Их отличали блестящая эрудиция и высокая образованность. Салантян, например, имея сан архиепископа, отличался не только знанием тонкостей богословия, но и являлся известным арменоведом. Помимо армянского, он владел

²⁴ Собранием высочайших указов и актов..., с. 140.

²⁵ Под высочайшим покровительством состоящий..., с. 23.

²⁶ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.—Л., 1951, с. 106.

²⁷ А. М. Куликова. Востоковедное образование в Петербургском университете в первой половине XIX века и учреждение факультета восточных языков. Автореферат канд. дис., Л., 1970.

турецким, персидским и арабским языками, был сведущ в латинском и древнегреческом языках.

Персидский язык первоначально преподавали Л. З. Будагов и Т. И. Тавришев, турецкий—А. Ф. Шахумов, который, получив специальное образование в Египте, помимо восточных, знал и европейские языки. Профессором армянской словесности со временем стал Н. О. Эмин, бывший воспитанник Института, неутомимый собиратель и издатель уникальной коллекции армянских рукописей, которые серьезно интересовали европейских ученых. Эмин известен и как издатель и переводчик на русский язык «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. В числе первых преподавателей русской словесности был опытный педагог Померанцев.

Нехватка на первых порах национальных преподавательских кадров была компенсирована активным привлечением в Институт русских преподавателей. Их роль в научно-педагогической деятельности Лазаревского учебного заведения всегда была значительной. Особенно полезной она была в период становления Института. Именно в это время инспекторами учебного заведения работали профессор Московского университета Василевский и Морошкин, профессор Казанского университета Краузе—видный педагог и специалист французской и немецкой словесности. Он же одним из первых стал преподавать эти языки в Институте.²⁸

В качестве преподавателей восточных языков были привлечены признанные специалисты своего дела. Первым профессором Лазаревского института в области персидской и арабской словесности был С. И. Назарянц. Практические занятия по персидскому языку вел Мирза Джафар Ризаев, принявший при крещении имя Артемий Тер-Захаров. На кафедре арабской словесности специальных классов преподавал Г. А. Муркос—выходец из Сирии. Другой уроженец Сирии—М. О. Агтая вел занятия по арабскому языку. Он же стал составителем фундаментального арабско-русского словаря.

В числе преподавателей турецкого языка были Л. Э. Лазарев и блестящий знаток разговорного турецкого языка С. Г. Дзерупян. Благодаря Л. Э. Лазареву, преподавание турецкого языка было обеспечено пособиями, составленными самим профессором. Практическое значение имела его книга «Сравнительная хрестоматия турецкого языка на турецком и азербайджанском с применением русских разговоров и пословиц». Грузинский язык преподавали М. С. Гургенцидзе, доцент И. Л. Серебряков-Окромчеделов, А. С. Хаханов и другие.

В подборе преподавательских кадров Лазаревых не смущали ни национальная, ни религиозная принадлежность того или иного преподавателя. Оваким Лазарев в одном из своих писем отмечал, что «в науке не принимается в соображение вероисповедание, а требуется лишь образованный человек, сведущий и честных правил и нравственности» (подчеркнуто нами—Ж. А.). Так поступают образованные и просвещенные народы, в университетах которых часто читают лекции профессора совершенно разных вероисповеданий.²⁹ Здесь следует обратить внимание на два следующих момента. Во-первых, Лазаревы, показали себя людьми широкого кругозора, пренебрегавшими сословными, национальными и религиозными ограничениями своего времени. Во-вторых, представления первого попечителя Института о

²⁸ Материалы для истории Лазаревского института..., с. 23—24, 26.

²⁹ Там же, с. XVI.

нравственных и профессиональных качествах педагога совпадают с мнением Н. И. Новикова, который отмечал, что настоящий преподаватель должен иметь прежде всего правильный образ мыслей, характер «и основательное... знание тех языков и наук, которым обучать должен».³⁰

Наличие блестящих преподавателей в сочетании с прогрессивными формами и методикой преподавания и в целом высокой культурой учебного заведения позволило детищу Лазаревых сыграть свою роль в истории русского востоковедения. В значительной степени этому способствовала непосредственная деятельность самих Лазаревых. Они вели оживленную переписку с различными учебными и научными заведениями в Париже, Вене, Венеции, Константинополе и других городах. Лазаревы имели своих корреспондентов в странах Европы, Ближнего Востока и Среднего Востока. Благодаря этому они могли из первых рук получать необходимые им сведения и материалы по ориенталистике.³¹ Стало быть, знания Лазаревых о состоянии и проблемах современного им востоковедения были весьма обширны. Поэтому не удивительно, что братья Ованес и Хачатур Овакимовичи Лазаревы являлись членами Парижского Азиатского общества словесности и древностей.³² Таким образом, целенаправленная деятельность как самих Лазаревых, так и всего преподавательского состава позволила Лазаревскому институту стать одним из признанных центров русского востоковедения.

Основными направлениями Института были иранистика, тюркология, семитология и кавказоведение. Развитие этих востоковедческих дисциплин в стенах Института прежде всего связано с деятельностью выдающихся русских востоковедов, таких как академики Ф. Е. Корш и В. Ф. Миллер. Корш был и семитологом, и тюркологом, и индоиранистом, и монголоведом, и кавказоведом. Круг его интересов и знаний был настолько широк, что он один «собой заменил в Москве востоковедческий факультет».³³ В Лазаревском институте Корш руководил кафедрой персидской словесности и в одно время возглавлял Институт.

Директором Лазаревского учебного заведения был и другой выдающийся ученый и востоковед—В. Ф. Миллер. В период его руководства Институтом изучение восточных языков все больше стало приобретать научный характер. При этом вовсе не страдала практика подготовки студентов.³⁴ И Корш, и Миллер, будучи учеными «с одинаковой разносторонностью научных интересов и одинаковым тяготением к славянству и Востоку»³⁵, сыграли большую роль в подготовке кадров квалифицированных востоковедов как для России, так и для Армении, что в немалой степени способствовало становлению российской армянской интеллигенции.

³⁰ Н. И. Новиков. О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия. «Прибавления к Московским Ведомостям».—В. кн.: Н. И. Новиков и его современники. М., 1961, с. 276.

³¹ А. П. Базнянц. Указ. соч., с. 36.

³² А. Эпеновьер. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863, с. 19—20.

³³ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Том. IV. М., 1968, с. 389.

³⁴ Тридцатилетие специальных классов..., с. 21.

³⁵ А. Е. Крымский. В. Ф. Миллер (пекролог)—Голос минувшего, 1913, № 2, с. 319.

Свой вклад в преподавание востоковедческих дисциплин и развитие востоковедческой науки, наряду с упомянутыми учеными, внесла плеяда блестящих профессоров и преподавателей, таких как А. В. Болдырев, Р. Я. Якобсон, А. Е. Крымский, В. Ф. Минорский, В. А. Гордлевский и другие. Трое последних были воспитанниками Лазаревского института.

В отличие от так называемого классического востоковедения, которое развивалось в Петербурге, в Лазаревском институте с самого начала получило развитие направление, в котором предпочтение отдавалось новым литературным языкам народов Ближнего Востока, восточной литературе и истории Востока преимущественно нового времени.

Помимо изучения стран нового Востока, их языка и культуры, преподаватели Института изучали и древнюю культуру Востока. Например, П. Я. Петров, будучи полиглотом, положил начало изучению в Москве древнеиндийской культуры и санскрита.

Однако особое место в научной и преподавательской практике коллектива Лазаревского института все же занимало кавказоведение. Можно смело утверждать, что этот Институт одним из первых в России подчеркнул значение «гуманитарного кавказоведения», выйдя на самостоятельную стезю и отделившись от европейского востоковедения. Здесь уместно привести не потерявшее актуальность обобщающее высказывание Н. Я. Марра: «Кавказ,—говорил он,—это—музей этнографический, равного которому мир не знает. Кавказ, это—громкая рукописная библиотека чрезвычайно богатых средневековых христианских культур, армянской и грузинской, где немало улик, по своему значению не для истории лишь Армении и Грузии или всего Кавказа, а для общенаучных вопросов, и *само своеобразие кавказской и культурно-исторической и этно-культурной физиономии есть чрезвычайной важности общенаучный вопрос, без разрешения которого ни один новый общий вопрос по смежным странам и народам не может быть решен*»³⁶ (подчеркнуто нами—Ж. А.).

Большие успехи, достигнутые в Лазаревском институте в области изучения и разработки кавказоведческих и других восточных дисциплин, дали право Коршу заявить, что российское востоковедение, развивающееся, в частности, и в Лазаревском институте, в некоторых разделах филологии опережало западноевропейское. Специалисты считали также, что во второй половине XIX и начале XX вв. востоковедческими центрами Москвы были Лазаревский институт восточных языков и Восточная комиссия Московского археологического общества. Таким образом, можно сказать, что научно-педагогическая деятельность Института Лазаревых определяла формирование московской школы востоковедения.

Развитию отечественного востоковедения способствовала также издательская деятельность Лазаревского института. Уже в июле 1829 г. начала свою работу институтская типография. Благодаря современной технической оснащённости, множеству образцов шрифта, уже в первые годы своей деятельности типография с успехом печатала книги на тринадцати языках—восточных и европейских.³⁷ Большим

³⁶ Н. Я. Марр. Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазиатском институте.—В кн.: Тексты и разыскания по кавказской филологии. Том I. Л., 1925, с. 10—11.

³⁷ Собрание высочайших указов и актов..., с. 184.

событием в культурной жизни российских армян явилось издание двухтомного армяно-русского словаря, подготовленного бывшим воспитанником Лазаревского института А. Худабашевым. Значительным событием явилось также издание с 1833 по 1838 гг. трехтомного «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа».

Издавая учебные пособия, словари, исторические документы, монографии, исследования по восточному языкознанию и культуре стран зарубежного Востока и Закавказья, Институт со временем перешел на серийное издание книг по востоковедению и отдельно по арменоведению. Наиболее известными были две серии—«Эминский этнографический сборник» и «Труды по востоковедению», издаваемые Лазаревским институтом. Одним из основателей этой серии был В. Ф. Миллер.

Институт имел обширную, прекрасно подобранную специальную библиотеку в более чем 13700 томов.³⁸ Это были книги в основном по востоковедению и другим гуманитарным дисциплинам. В целом библиотека Лазаревского института состояла из двух фондов: библиотеки специальных классов, которой пользовались студенты, и восточного отдела фундаментальной библиотеки. Ею пользовался только профессорско-преподавательский состав. В книгохранилищах институтской библиотеки находились многие, порой редкие памятники русской, армянской, арабской, персидской, турецкой и грузинской словесности.³⁹

Институт выделял значительные средства на приобретение новой литературы. Книги покупались не только в России, но и в Вене, Виссии, Париже, а также в странах Востока. Книжный фонд пополнялся также за счет частных пожертвований. Только один Н. О. Эмин—воспитанник, а в дальнейшем профессор Института—пожертвовал библиотеке 1280 названий книг в 2505 томах.⁴⁰

В библиотеке собирались также редкие рукописи на восточных языках и предметы старины. В богатой коллекции армянских рукописей институтской библиотеки находился редчайший манускрипт—рукопись 887 г., получившая название «Лазаревское евангелие». Она была одной из самых древних из сохранившихся до наших дней армянских рукописей. В ряду восточных рукописей мы видим арабскую рукопись книги «Хранительница предписаний касательно статей Гидайета с комментариями на турецком языке». Это известное в мусульманском мире юридическое сочинение, автором которого является Имам Убайду-л-лах Махмуд. Рукопись датируется 1552 годом.⁴¹

Подытоживая национально-образовательную деятельность Лазаревского института, необходимо отметить, что он выполнял четыре основные задачи. Во-первых, готовил высококвалифицированных учителей для армянских школ России и Закавказья, во-вторых, сделал учебное заведение одновременно центром изучения восточных языков, в-третьих, способствовал сближению двух культур, двух наций—русской и армянской, и, в-четвертых, стал центром армянского просвещения.

³⁸ Тридцатилетие специальных классов, с. XVII.

³⁹ См. Каталог книг и рукописей библиотек Лазаревского института восточных языков. М., 1888.

⁴⁰ Каталог книг и рукописей библиотек Лазаревского института восточных языков. М., 1896, с. 3.

⁴¹ Г. А. Муркос. Об арабских рукописях Лазаревского института восточных языков и малой Кызыкумукской мечети в Дагестане. М., 1889.

Для сегодняшнего дня особо важно отметить то, что деятельность Института была направлена на сближение двух культур, на духовное родство двух наций—русской и армянской. Эта задача, собственно, и была определена в инструкции, разработанной попечителями Института. В ней говорится о той цели, которую преследовали Лазаревы: «Образовать большие однородные из армян, притом совоккупать и сроднять их с русскими, каковое сближение вдвойне полезно и в нравственном, и в политическом отношениях». ⁴² Эту мысль более четко изложил «главноначальствующий» Лазаревского института граф А. Х. Бенкендорф. «Восточный сей Институт, как центральное главное заведение армянского народа,—писал граф,—служит рассадником и образует в себе семя, от которого торговля и политика, сближением с народами азиатскими, пожинают свои плоды. Юношество армян, получив воспитание в означенном заведении, скорее соединяется с коренными россиянами». ⁴³

Профессор Лазаревского института, видный издатель и востоковед С. П. Назарянц писал: «Дети Армении, усыновленные Россией, воспитанные под отеческим попечением ее, обогащенные плодами русского просвещения и науки,—дети Армении, понимая всю святость своих отношений к России, чем и каким путем могут сколько-нибудь воздать долг признательности к Благотворительнице? Без сомнения, глубоким чувством любви и признательности к русской стране, духовно-нравственным усвоением сокровищ русской мысли, изучением исторических сулей русского народа, пониманием его гражданского быта, наконец, передачею этих приобретений армянам на их национальном языке и вместе введением их в круг русского просвещения и цивилизации». ⁴⁴

Деятельность Лазаревского Института являлась проявлением своеобразного сплава двух культур, двух специфических миров—русского Запада и армянского Востока. В результате как русская, так и армянская культура приобрели новое качество.

Как отмечала в 1817 г. газета «Московские ведомости», «союз с народом, отличающимся примерно между собою связью, объемлющим торговлю большей части Азии, и состоящим в непосредственных соотношениях в Индии и Персии, дальновидному созерцателю выявляет обширное поле лестных выгод для России». ⁴⁵

Таким образом, создание Лазаревского института явилось актом большого исторического значения для армянского народа. Институт должен был послужить знаменем консолидации интеллектуальных сил армянской нации. Будучи косвенно следствием развернувшейся в XVIII в. национально-освободительной борьбы армянского народа, детище Лазаревых успешно справилось с задачами, возложенными историей на это учебное заведение. Это важно подчеркнуть, поскольку решение национальных задач было, начиная с середины XVIII в., характерной особенностью исторической поступи армянского народа.

⁴² Материалы для истории Лазаревского института..., с. 47.

⁴³ Собрание высочайших указов и актов..., с. 70—72.

⁴⁴ Цит. по кн.: А. П. Назарянц. Указ. соч., с. 61.

⁴⁵ Собрание высочайших указов и актов..., с. 198.